

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-128-133

**О книге Н.Н. Трубниковой
«“Собрание песка и камней”
в истории японской философской мысли»**

М.С. Коляда

Аннотация. В 2024 г. был переиздан двухтомник выполненного Н.Н. Трубниковой перевода и исследования «Сяэкисю:» – буддийского сборника поучительных рассказов *сэцува* XIII в. [«Собрание...» 2024; Трубникова 2024]. Автор собрания, монах Мудзю Итиэн (1226–1312), излагает различные сюжеты, позаимствованные из множества источников, и дает им религиозно-философское объяснение, зачастую весьма подробное и красочное. Во втором томе помещены очерки исследовательницы об исторической и культурной ситуации, в которой создавался сборник, о Мудзю Итиэн, жанре *сэцува* в целом и различных конкретных аспектах, которые монах затрагивает по ходу своих рассуждений, а также иные дополнительные материалы.

Ключевые слова: «Сяэкисю:», *сэцува*, японский буддизм, Мудзю Итиэн, «Собрание песка и камней».

Автор: Коляда Мария Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9.). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Коляда М.С. О книге Н.Н. Трубниковой «“Собрание песка и камней” в истории японской философской мысли» // Японские исследования. 2025. № 1. С. 128–133. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-128-133

Book Review:
Trubnikova, Nadezhda N. (2024).
“Shasekishū” in the History of Japanese Philosophy

M.S. Kolyada

Abstract. In 2024, a two-volume edition of N.N. Trubnikova’s translation and study of *Shasekishū* was republished. *Shasekishū* is a 13th-century Buddhist collection of *setsuwa* didactic tales. The compiler of the anthology, monk Mujū Ichien (1226–1312), presents diverse narratives borrowed from numerous sources, providing them with religious-philosophical commentary, vivid and often very detailed. The second volume

includes the researcher’s essays on Mujū Ichien himself, the historical and cultural context of the compilation’s creation, the *setsuwa* genre as a whole, and various aspects that were addressed in the monk’s discourses, alongside other supplementary materials.

Keywords: *Shasekishū*, *setsuwa*, Japanese Buddhism, Mujū Ichien, “Sand and Pebbles”.

Author: Kolyada Maria S., PhD (Philosophy), Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (address: 82/2, Vernadsky Prosp., Moscow, 119606, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kolyada, M.S. (2025). О книге N.N. Trubnikovoi «“Sobranie peska i kamnei” v istorii yaponskoi filosofskoi mysli» [Book Review: Trubnikova, Nadezhda N. (2024). “*Shasekishū*” in the History of Japanese Philosophy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 128–133. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-128-133

«То, о чем к концу нашего века уже не слышно, что считают исчезнувшим навсегда, могло бы помочь глупым людским сердцам двигаться вперед, и я записал это, не стеснясь неловких слов» [«Собрание...» 2024, с. 649], – пишет Мудзю Итиэн в послесловии к своему объемному труду «*Сясэкисю*:» 沙石集 – «Собранию песка и камней» (1279–1283), – а ниже говорит, что хотел бы, чтобы в будущем люди исправили и продолжили его записи. Сообразно этому пожеланию монаха в минувшем году вышло новое издание перевода «Собрания», выполненного Н.Н. Трубниковой. Для тех, кто с ним еще не знаком, я кратко опишу достоинства этой книги.

Мудзю Итиэн 無住一円 (1226–1312)¹ происходил из знатного воинского рода Кадзивара, с юных лет учился при храме, в семнадцать стал монахом в храме школы Тэндай. Он побывал отшельником, странствовал, учился у наставников разных буддийских школ, в том числе у Энни Бэннэн 圓爾辯圓 (1202–1280), который считал возможным сочетать учения Дзэн, Сингон, Тэндай, веру в богов-ками, конфуцианство и даосизм [Трубникова 2024, с. 42]. По «Собранию песка и камней» хорошо видно, что Мудзю унаследовал этот взгляд учителя.

«*Сясэкисю*:» представляет собой сборник поучительных рассказов *сэцува*. Читателю, особенно если он не японовед-медиевист, возможно, имело бы смысл начинать знакомиться с памятником со второго, исследовательского тома. В очерках, собранных в нем, обрисована историко-культурная ситуация Японии эпохи Камакура, в которой создавалось «Собрание песка и камней», в том числе и религиозная обстановка (а «*Сясэкисю*:» – в первую очередь буддийское сочинение); здесь показаны жанровые особенности литературы поучительных рассказов *сэцува*, изложена биография Мудзю, описаны круг его чтения и традиции, к которым монах принадлежал; рассмотрено, как ключевые вопросы религиозно-философской мысли отражаются в «Собрании», а также дан обзор истории исследования сборника. Помимо множества справочных материалов, включающих в себя карты и иллюстрации, в этот том помещен перевод еще одного труда Мудзю Итиэн, «*Цума кагами*» 妻鏡 («Зерцало жен», 1300). В первом томе помещен перевод «Собрания» с подробными комментариями Н.Н. Трубниковой.

Каждый автор собрания *сэцува* обращается с отобранными сюжетами по-своему. Мудзю чаще всего пересказывает какую-нибудь историю или несколько историй, а потом объясняет их, излагает свои мысли по затронутым вопросам. В итоге получается, что и простую «мораль», и более сложные теоретические положения буддийской догматики и философии он выводит, сначала проиллюстрировав их каким-нибудь ярким примером. Таких примеров на какую-либо тему с прилагающимися к ним толкованиями в одном рассказе может быть несколько. Мудзю

¹ По образцу рецензируемой книги в этом тексте я буду опускать знак долготы в имени Мудзю: и других именах.

делает множество отсылок к текстам канона и различным китайским и японским сочинениям – в примечаниях к каждому рассказу переводчица поясняет их.

Высокий теоретический уровень текста выделяет «Собрание» среди прочих сборников *сэцува* – на мой взгляд, это полноценное буддийское религиозно-философское сочинение, некоторые его разделы сравнимы скорее с трактатами, чем с поучительными рассказами из иных сборников. В большинстве памятников традиции *сэцува* «теоретическая» часть отсутствует либо не так велика. У Мудзю же это объемные, проработанные, хорошо обоснованные пассажи. Нужно отметить, что объясняет он доходчиво и внятно, образным и красивым языком (что, конечно, является заслугой Н.Н. Трубниковой не в меньшей степени, чем самого монаха).

Помимо этого, «*Сясэкисю*:» отличает удивительная целостность. Конечно, любой сборник *сэцува* имеет продуманную, сложную структуру, которая сама по себе добавляет новые слои смысла в отобранные сюжеты. Но Мудзю особенно последователен в изложении, его труд выглядит не набором историй для проповедей или коллекцией самих проповедей, а единой книгой, которая читается от начала до конца, в которой проводится единое рассуждение и встречаются авторские отсылки к рассмотренным раньше случаям. Основную мысль «Собрания» я бы сформулировала так: это призыв осознать, насколько мелко и мимолетно все мирское и насколько ценна возможность следовать Закону Будды в нынешней жизни; человеку необходимо направить все свои силы именно на следование Закону, пути которого многообразны, но внутренне он един. И если многообразие путей в «Стародавних повестях» («*Кондзюку моногатари сю*:», XII в.) означало сосуществование в сборнике в определенной степени противоречащих друг другу сюжетов – и идею, что для разных обстоятельств мера деяний человека и их последствий может быть разной, когда один будет спасен сущим пустяком, другой за единственный проступок падет в ад, – то мысль и выводы Мудзю едины, он лишь иллюстрирует их с разных сторон. Противоречия в «*Сясэкисю*:» кажущиеся: все они снимаются в рамках разграничения, которое монах проводит, вслед за Нагарджуной, между «подлинной истиной» и «обыденной». Первая «основана на пустом ровном равенстве, где нет разницы между своим и чужим, между собственным опытом и внешним окружением. Обыденная же истина не отвергает временные образы вещей, подчиненные закону причинности, согласованные между собою; она различает уровни глупости и мудрости, отличает заблуждение от озарения» [«Собрание...» 2024, с. 285].

Кроме того, Мудзю много пишет об «уловках», *хо:бэн*: это разные способы помочь человеку достигнуть цели – просветления, разные подходы к истине, на самом деле единой. Соответственно, многие противоречия, возникающие в повествовании Мудзю (или в разуме человека, осмысляющего те же вопросы буддийского учения), существуют лишь на уровне «уловок».

Первый свиток сборника посвящен почитанию богов, «смягчиших свой свет»: Мудзю – сторонник теории *хондзи суйдзюку*, в рамках которой боги *ками* рассматриваются как «отпечатки-следы» исконной основы – будд. Он обосновывает, что молиться богам полезно и естественно; так, мудрый подвижник-монах говорит в третьем рассказе: «И раз уж мы высоко ценим тех, кто был связан с Буддой в иных странах, то не нужно пренебрегать и теми его образами, что приспособлены для нашей страны» [«Собрание...» 2024, с. 31]. И далее: «Наша страна – страна богов, в ней оставили свои следы боги и будды, великие в своих условных обличиях. И все мы – их потомки. Наше дыхание – такое же, как у них, наша связь с ними не поверхностна» [«Собрание...» 2024, с. 31]. С иными почитаемыми существами у японцев «слишком мало общих пристрастий».

Боги чтут Будду. Они радуются, если им совершают «подношение Законом» – читают для них сутры (как делают для мирян). Боги любят Закон: так, в рассказе I–4 божество разъясняет Эсин (Гэнсин) сложные места в учении школы Тэндай [«Собрание...» 2024, с. 42]. Правда, «главную суть» оно, давно «смягчившее свой свет», все-таки уже позабыло. Божья милость

велика, но имеет границы, определенные законом воздаяния, а иногда случается, что в помощи людям отказывают специально, например, чтобы монах сумел в отсутствие мирской удачи достигнуть просветления [«Собрание...» 2024, с. 56–58]. Проблема же чистоты и скверны, одна из самых конфликтных точек в соприкосновении буддизма и веры в «родных богов», оказывается в сущности не важной: «Пусть бы только сердце было чистым – тогда и тело не оскверняется» [«Собрание...» 2024, с. 43].

В этом же свитке Мудзю впервые затрагивает вопрос «исключительных» учений: первый действительно пугающий рассказ сборника посвящен критике радикального амидаизма (I–10), речь в нем идет о крайностях в толковании почитания Амида и страшной судьбе тех, кто пренебрегал богами. Мудзю объясняет: «Хотя течение памятующих о будде Амиде и не едино в себе, но если говорить о главной его мысли, то на самом деле и в сутрах, и в толкованиях сказано, что к возрождению ведут многие пути, а не одно лишь памятование» [«Собрание...» 2024, с. 75]. Это очень важная для «Сясэкисю:» мысль, к ней повествователь еще будет возвращаться.

Во втором свитке он описывает преимущества от почитания того или иного бодхисаттвы или будды. Здесь в рассказах действуют будды Якуси, Амида, Мироку, бодхисаттвы Каннон и Дзидзо, светлый царь Фудо Мёо. Полагаться нужно на всех почитаемых, пишет Мудзю, нет смысла чтить кого-то одного больше других: «Каждый из них в свой черед приносит нам пользу и выгоду соразмерно нашим склонностям и желаниям» [«Собрание...» 2024, с. 108]. Но тут же отмечается: у Дзидзо связь с людьми – особенная. Из этого, правда, все равно не следует, что нужно молиться только ему одному.

Мудзю также касается вопроса, как в принципе «работают» чудеса и почему в иллюзорном мире обращение за помощью к почитаемым все-таки важно и нужно: «Помощь при недуге и страдании, избавление от невзгод и тягот, спасение от дурных путей и рождение на добрых путях – все это уловки будд». «Соразмеренные тела» (*о:син*) будд «помогают нашим чувствам и уму, избавляют от помех, очищают от грехов» [«Собрание...» 2024, с. 102], делая возможным дойти до состояния, когда человек становится способен созерцать «истинное тело» (*хоссин*) будды, тело Закона. Обе эти ипостаси Будды, соразмеренные тела и истинное тело, ценны, пренебрегать нельзя ни одной из них, считает Мудзю, поскольку на самом деле они едины. И особенно значимо в религиозных действиях, что у человека на сердце: даже фальшивое знамение может обернуться к пользе тех, кто правда верит [«Собрание...» 2024, с. 115–116].

Важность веры – тема, которая поднимается в этом свитке, а затем проходит рефреном через все собрание. Настоящая вера, по Мудзю, важнее мирских забот и мирского долга: о ближних люди еще, бывает, заботятся, говорит монах, но мало кто полностью посвящает себя Закону Будды. Мудзю пишет: «Человек в этой жизни – временный друг на один день, а будда – истинный учитель на долгую ночь будущих жизней» [«Собрание...» 2024, с. 95]. Требуется осознать это и стараться мыслить и действовать правильно; каждый может подвижничать и следовать Закону, здесь не столь важно даже, монах это или мирянин [«Собрание...» 2024, с. 133].

Третий свиток начинается с темы «выиграл потому, что проиграл». С человеческой точки зрения в непостоянном мире не всегда понятно, что является благом, а что нет. Идея здесь та же: нужно стремиться к просветлению, к Закону, а не к мирским вещам. При этом одного знания текстов мало, нужно действительно следовать предписаниям (и смыслу, «духу») Закона тоже), а многие монахи этого не делают. Кто-то из них зря стремится к мирской выгоде или формальной учености, хотя последняя тоже может проложить путь к настоящей святости. В этом же свитке рассматриваются основы конфуцианского учения (особенно подробно – в рассказе III–7). «Пять постоянных» Мудзю соотносит с буддийскими заповедями [«Собрание...» 2024, с. 195–196], а самого Конфуция называет воплощением бодхисаттвы Манавы. Его наставления были «уловками, приводящими к Закону Будды» [«Собрание...» 2024, с. 203].

Четвертый свиток посвящен рассказам о страстях. Здесь особенно стоит отметить следующие слова: «Главный смысл Закона Будды всегда по сути один и тот же: хотя явные, тайные учения и школы созерцания порой расходятся между собой в своих уловках, но правилу “не делать никакого зла” они изменять не должны» [«Собрание...» 2024, с. 280]. Речь идет о принципе «не делать никакого зла, совершать всякое благо». Что касается различных буддийских течений, по всему собранию Мудзю неоднократно сравнивает учения разных школ, их подходы к тому или иному вопросу. О «главном смысле» от тоже вспоминает не раз: например, в последнем, десятом, свитке сборника он скажет, что все школы, вдаваясь в частности, утеряти главный смысл Закона (Хб –2).

В двух частях свитка пятого высмеивается книжная ученость, а затем обсуждаются благие свойства японских песен-*вака*; видимо, Мудзю здесь выступает в защиту «родных песен» вопреки бытовавшему тогда противоположному взгляду на этот тип поэзии. В рассказах этого раздела *вака* выступают как заклития, обосновывается сила поэтического слова. Здесь помещены примеры того, как сами боги откликаются на песни и как на них отзываются люди. Такие тематические подборки можно найти в различных более ранних сборниках *сэцува*, но у Мудзю этим сюжетам дано гораздо более яркое религиозное, буддийское обоснование.

В шестом свитке собраны истории о проповедниках, неловких и искусных, а в седьмом – разные случаи, когда люди поддавались или не поддавались страстям. Людские поступки влекут за собой воздаяние; бывает, оно поражает человека уже в нынешней жизни, бывает – и такие случаи Мудзю приводит тоже, – что последствия настигают только в будущем рождении, и тогда причина происходящему с человеком лежит в прошлых жизнях. Есть здесь и сюжеты о мести духов.

Заканчивается свиток, в переключку с третьим, рассуждением о том, что счастье и несчастье – неоднозначны, размышлениями о вреде мирских привязанностей, которые мешают сосредоточиться на Пути, о том, что радость и печаль одинаково не должны волновать сердце. И хотя обстоятельства жизни определяются воздаянием, Мудзю отмечает, что важно работать над исправлением своих недостатков.

Про восьмой раздел монах пишет: «В этом свитке я собираю глупые и смешные случаи – затем, чтобы вступить на путь мудрости» [«Собрание...» 2024, с. 490]. Это – тоже ради того, чтобы у читателей появились мысли о том, как исправить свои недостатки и преуспеть на Пути. В этот раздел входит один из самых, пожалуй, выразительных в литературе *сэцува* рассказов о непостоянстве человеческих связей (VIII–21): подвижник-странник случайно становится свидетелем смерти незнакомца, а затем по очереди спрашивает его отца, мать и жену, удивительно спокойных, почему они не скорбят. И каждый из членов семьи отвечает, что отношения между людьми мимолетны и непрочны, и горевать о них не имеет смысла [«Собрание...» 2024, с. 519–520].

Девятый свиток отведен историям о «прямоте и честности», *сё:дзики*. Во многих рассказах это понятие связывается с почтительностью (заботой, верностью) по отношению к родителям. Рассмотрена здесь и верность господину, а также честность «вообще», приблизительно соответствующая современному смыслу слова. На первый взгляд может показаться, что здесь автор противоречит сказанному выше, приветствуя ранее объявленные неважными добродетели, но на деле это не так – согласно сказанному выше об «уловках» и уровнях истины. А кроме того, в следующем свитке Мудзю еще объяснит, говоря о пользе и вреде от отношений между людьми, что станет ли кто-то для человека причиной для злодейства или «мудрым другом», зависит не от качеств этого кого-то, а от самого человека [«Собрание...» 2024, с. 579–580]. Так, должно быть, имеет смысл понимать и человеческие отношения сами по себе. Мне кажется, что *сё:дзики* здесь – это внутреннее качество человека, проявляющееся в жизни тем или иным образом (и не столь важно в конечном счете, каким), оно нужно затем, чтобы сердце было способно следовать Закону.

Дальше Мудзю переходит к историям об отшельниках, с которых начинается десятый свиток. В этом разделе автор среди прочего напоминает, что сама по себе ученость не гарантирует благого перерождения (в рассказе Хб–1 монах, хоть и знал очень много, после смерти не упокоился). Возвращаясь же к проблематике многообразия путей, а также необходимости соизмерять разные аспекты пути подвижника и не отбрасывать ни один из них, Мудзю говорит: «Вообще любые деяния, если смотреть на них как на созерцание, будут не чем иным, как созерцанием. Ибо когда подвижники доходят до предельного единства всех помыслов, они свидетельствуют об этом. А если на все смотреть как на памятование о будде, все будет памятованием» [«Собрание...» 2024, с. 634]. Последний рассказ собрания монах отводит историям о чудесах предсмертного часа.

В короткой рецензии невозможно рассмотреть все богатство смыслов сочинения Мудзю Итиэн, раскрывать их один за другим предстоит тому, кто будет вдумчиво читать и перечитывать эту книгу. Я отмечала в основном религиозно-философские идеи, но в «Собрании» также отражены различные особенности устройства японского средневекового общества – понять и оценить это помогает обширный комментарий. Вопросы духовного бытия, которые поднимает Мудзю, рассматриваются на красочном фоне разных человеческих моментов – от придворных обыкновений до мелких подробностей повседневного быта. Вообще чтение *сэцува* позволяет создать в воображении объемную и колоритную картину жизни людей в ту эпоху, с этой точки зрения такие памятники сложно переоценить.

«Собрание песка и камней» – одно из ярчайших произведений литературы эпохи Камакура, а его перевод – современного японоведа. И я очень рада, что «Центр гуманитарных инициатив» переиздал этот труд Н.Н. Трубниковой, дав возможность новым поколениям японоведов приобщиться к мысли Мудзю Итиэн. Этого монаха, с его пронизательностью и прекрасным чувством юмора, отделяет от нас множество столетий, а все-таки его слова, как мне кажется, по-прежнему актуальны – и совсем не только для исследователя японской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Т. 1. Собрание песка и камней / пер. со старояпонского Н.Н. Трубниковой. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 2024. 656 с.
- Трубникова Н.Н. «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Т. 2. Исследование. Указатели. Приложение. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 2024. 288 с.

REFERENCES

- Trubnikova, N. N. (Transl.). (2024a). «*Sobranie peska i kamnei*» v istorii yaponskoi filosofskoi mysli. T. 1. *Sobranie peska i kamnei* [“Shasekishū” in the History of Japanese Philosophy. Vol. 1. “Shasekishū”]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Trubnikova, N. N. (2024b). «*Sobranie peska i kamnei*» v istorii yaponskoi filosofskoi mysli. T. 2. *Issledovanie. Ukazateli. Prilozhenie* [“Shasekishū” in the History of Japanese Philosophy. Vol. 2. Research. Indices. Supplement]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

Поступила в редакцию: 16.01.2025

Received: 16 January 2025

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025